

Е.С. Богданов[✉], А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Луки хуннского типа из погребений могильника Курайка (Горный Алтай)

Статья посвящена анализу роговых накладок на лук, обнаруженных в ходе многолетних раскопок могильника Курайка III–V вв. (Горный Алтай, Кош-Агачский р-н). В трех мужских захоронениях зафиксированы остатки преднамеренно сломанных в ходе погребального ритуала сложносоставных луков хуннского типа. В двух случаях они были оснащены 4 парными концевыми и 3 срединными накладками на кибиты. В одном – стандартный комплект дополнен еще двумя парами более мелких изделий. Рассматриваемые предметы вооружения укладывались под и над погребенными вдоль левой или правой половины туловища. Полученные новые оригинальные данные по погребальной обрядности и материальной культуре кочевников Курайской котловины позволили провести не только классификацию найденных луков, но и выполнить корреляцию с ранее опубликованными материалами. В результате анализа удалось выявить новый технологический подход к изготовлению накладок, который заключался в использовании для изготовления отростков рога марала и создании составных изделий путем склейки их из нескольких частей. Высказывается гипотеза о дефиците сырья, которое привело к появлению такой технологии, и о том, что роговые накладки не столько увеличивали упругость лука, сколько играли роль бандажа на местах склейки деталей. Отмечается, что в степной скотоводческой среде недостаток качественного растительного сырья при изобилии продуктов животноводства вел к увеличению в конструкции лука деталей органического происхождения и постепенного превращения деревянных деталей кибиты в несущий каркас.

Ключевые слова: Курайка, булан-кобинская культура, погребальный обряд, роговые накладки, сложносоставной лук хуннского типа.

E.S. Bogdanov[✉], A.I. Soloviev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Bows of the Xiongnu Type from the Burials of the Kuraika Burial Ground (Altai Mountains)

This article discusses horn bow overlays which were discovered during many years of excavations at the Kuraika burial ground (Kosh-Agach District, Altai Mountains) of the 3rd–5th centuries. Three male burials contained the remains of composite bows of the Xiongnu type, intentionally broken during the funeral ritual. In two cases, they were equipped with four paired bow end-plates and three middle plates. In one case, the standard set was supplemented by two more pairs of smaller overlays. The weapons were placed under or on top of the buried person along the left or right half of the body. New original data on the burial rituals and material culture of the nomads from the Kurai Basin has made it possible not only to offer a classification of the bows, but also to correlate them with the previously published evidence. New technological approach to manufacturing overlays was identified from working with the evidence. It consisted of using red deer antler tines for creating composite items by gluing them from several parts. A hypothesis about the shortage of raw material, which led to emergence of such technology was proposed. Horn overlays might have been used not so much for increasing the elasticity of the bow, but played a role of bandage at the places where the parts of the bow were glued together. In the steppe cattle-breeding environment, the lack of high-quality plant materials with abundant livestock products led to more frequent use of parts of organic origin in bows and gradual transformation of wooden parts of the bow into supporting frame.

Keywords: Kuraika, Bulan-Koba culture, burial rite, horn plates, composite bow of the Xiongnu type.

Введение

Сложносоставные луки т.н. хуннского типа являются своеобразной «визитной карточкой» эпохи и почти всегда трактуются как результат воздействия военной традиции хунну на булан-кобинское население Горного Алтая. Хронологическим маркером при этом чаще всего выступают не какие-либо конкретные особенности изделий и даже не их габариты, а конфигурация срединных костяных накладок (см., напр.: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 43–44]). В.В. Горбунов даже полагает, что облик сложносоставных луков булан-кобинцев на протяжение II–V вв. не претерпел видимых изменений [Горбунов, 2006, с. 14]. В стандартной комплектации накладок – это две пары боковых концевых, достаточно длинных (не менее 25 см), узких костяных пластин, имеющих слегка изогнутую форму и три срединных (две боковых и одна фронтальная). Со стороны арочного выреза для крепления тетивы расширяющийся к ушку конец накладки всегда закруглен, а противоположный – заужен. Чаще всего пластины верхнего плеча оружия отличаются по длине от нижних. Срединные накладки наиболее вариативны не только по конфигурации и размерности, но и по комплектности. Внутренняя сторона всех изделий имеет расчерченную ножом (?) косую сетку, или рифление, выполненную грубым подобием небольшого напильника, предназначенную для повышения прочности склейки с деревянной основой. Основной массив материала, касающегося накладок булан-кобинских луков, вместе с историографическими обзорами к настоящему времени наиболее полно опубликован барнаульскими исследователями [Горбунов, 2006, с. 9–25; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 39–48; Серегин и др., 2021, с. 116–177; Серегин и др., 2022, с. 46–52; Серегин и др., 2023, с. 77–85]. Согласно полученным данным, ими был сделан вывод о том, что представители булан-кобинской культуры «пользовались не только сложносоставными луками с одной парой концевых и срединными боковыми накладками» [Серегин и др., 2023, с. 85]. Материалы, полученные в ходе раскопок могильника Курайка, позволяют дополнить существующие представления о метательном оружии этого культурного образования. Отметим также, что большая вариативность при изготовлении сложносоставных луков указывает на индивидуальный почерк мастера и его стремление следовать интересам заказчика. И поэтому выделять какие-либо локальные варианты в рамках Саяно-Алтайской горной страны на основе особенностей отдельных накладок довольно проблематично.

Важным в контексте рассматриваемой темы является также то, что ни в одном курайском захоронении не обнаружено следов военного травматизма, что вкупе с малым числом найденных предметов вооружения может отражать низкий уровень мили-

таризации населения. Из 21 мужского захоронения, 9 были без инвентаря и только в трех были найдены накладки сложносоставных луков хуннского типа, судя по которым оружие было асимметрично. Все трое погребенных располагались в рамках из досок; на спине в вытянутом положении, головой на северный сектор (рис. 1, 1, 7, 9). Особенности погребальной обрядности и инвентаря из курайских захоронений в аспекте отличий от других булан-кобинских памятников уже нашли отражение в литературе [Богданов, Новикова, 2018, 2024].

Контекст обнаружения находок и их особенности

В объекте 99 (группа А) обломки костяных деталей лука, были найдены слева от скелета мужчины 40–45 лет на дне могилы (рис. 1, 7). Авторы раскопок считали, что лук длиной ок. 1,6 м был уложен со спущенной тетивой [Соёнов, Эбель, 1994, с. 115, рис. 14, 15]. Он имел четыре концевых и три срединные накладки: из концевых – 4 боковые (верхние почти прямые, нижние – слабо изогнутые), из срединных – две боковые трапециевидной формы и одна тыльная, вероятнее всего, весловидной формы (рис. 1, 8).

В погребении Б объекта 2 (группа Б) остатки лука лежали с левой стороны поверх скелета мужчины 45–50 лет, на участке от плечевых до пятиточных костей (рис. 1, 1). Комплект представлял собой четыре парные слегка изогнутые концевые накладки с округлой головкой и арочным вырезом (рис. 1, 2–6). Изделия у стоп были длиннее тех, что находились у плеча. Срединных накладок оказалось четыре: две фронтальных, узких, заостренных с одного конца и с лопаточковидным расширением с другого; две боковые, в виде узкого вытянутого овала, со срезанными под углом приостренными окончаниями (рис. 1, 5, 6). На тазовых костях мужчины обнаружены остатки железного кинжала.

В объекте 19 (группа Б) был захоронен мужчина в возрасте 25–30 лет со смещеными влево относительно тазовых костей ногами (рис. 1, 10). Накладки на лук обнаружены с правой стороны костяка. Они располагались около фаланг пальцев руки, берцовых костей и между пятиточных костей ног (рис. 1, 10, 11). Лук был сломан и уложен под погребенным. Найдки представляют собой парный комплект концевых накладок, две из которых составные и три сплошные – срединные (рис. 1, 12–16). В вещевой набор погребения вошли: роговые орнаментированные детали плети, наборный пояс (железные пряжка, кольца, пластины) с кинжалом и сердоликовая бусина на шее. Набор концевых деталей лука весьма оригинален и заслуживает отдельного рассмотрения.

Прежде всего отметим, что, судя по морфологии изделий и особенностям структуры материала, концевые накладки были изготовлены из компактного

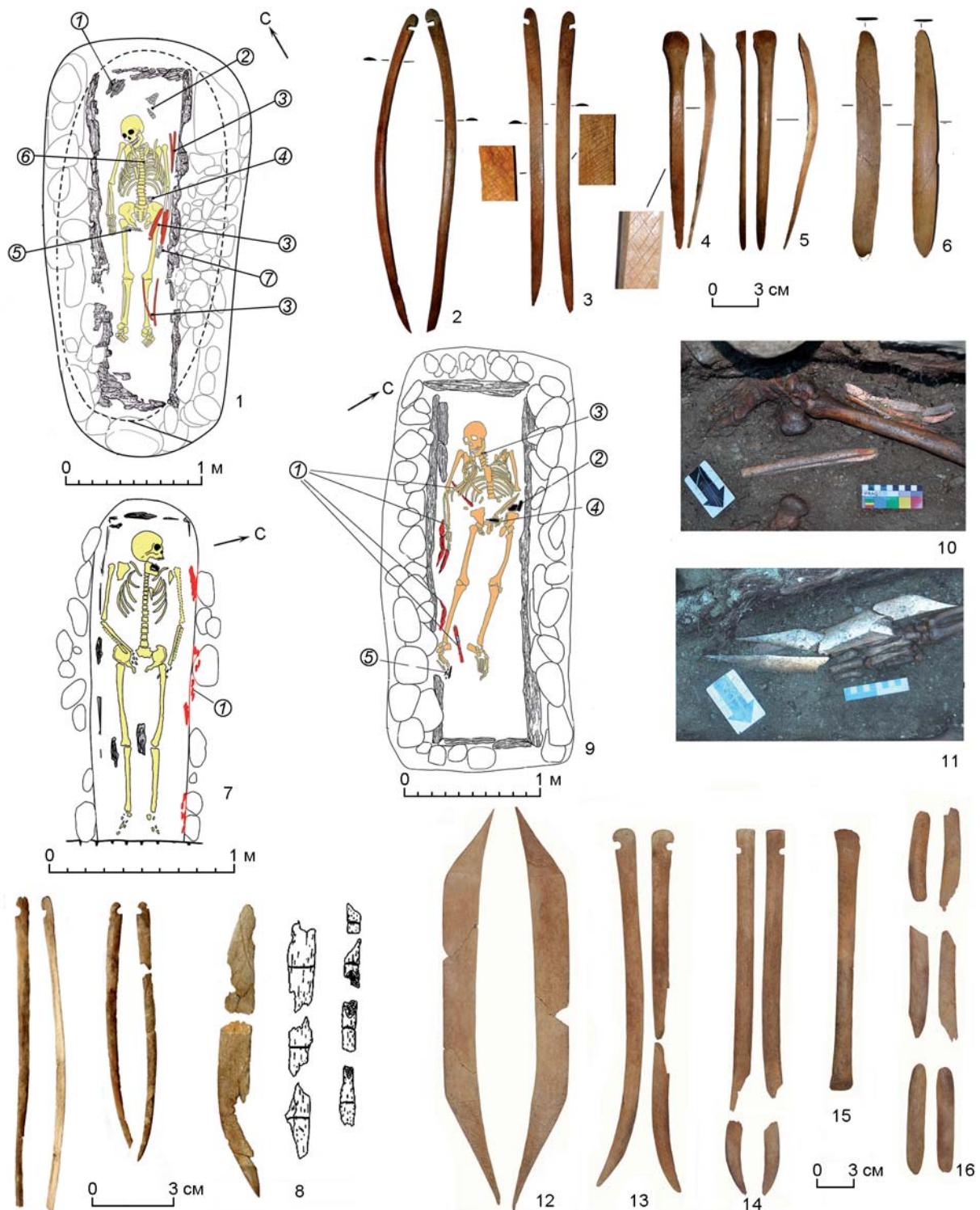

Рис. 1. Могильник Курайка.

1 – план погребения Б, объект 2, группа Б (1 – скопление углей; 2 – крестец и хвостовые позвонки барана; 3 – накладки на лук; 4 – железная пряжка; 5 – железный кинжал; 6 – бусина; 7 – три железных наконечника стрел); 2–6 – роговые накладки на кибить лука из погребения Б, объект 2, группа Б; 7 – план погребения, объект 99, группа А (1 – накладки на лук); 8 – роговые накладки на кибить лука, объект 99, группа А; 9 – план погребения, объект 19, группа Б (1 – накладки на лук; 2 – роговые детали плети и фрагменты поясных железных пластин и колец; 3 – бусина; 4 – нож; 5 – скопление железных и роговых наконечников стрел); 10, 11 – фото расположения накладок на лук в могиле *in situ*, объект 19, группа Б; 12–16 – роговые накладки на кибить лука, объект 19, группа Б. *Фото и чертежи Е.С. Богданова.*

Рис. 2. Голова марала (1) и составные укрепляющие детали сложносоставных луков хуннского типа (2–7).

2–3 – фронтальная срединная накладка и ее монтажная схема, могильник Курайка, погр. Б, объект 2, группа Б; 4 – схема сборки концевых накладок лука, могильник Курайка, объект 19, группа Б; 5 – деревянный лук со срединным боковыми накладками и с различным устройством концов (Синьцзян); 6 – рукоять лука с боковыми роговыми накладками (Синьцзян); 7 – рукоять лука (Синьцзян).

Фото А.И. Соловьева (1, 5–7) и Е.С. Богданова (2–4).

вещества отростка ветви рога оленевых. Исходя из места находки и ареала распространения животных этого вида, скорее всего, марала (рис. 2, 1). Естественные изгибы и размеры отростка, довольно близко

совпадающие с требуемой деталью, оказались весьма привлекательны для древнего мастера, поскольку позволяли обойтись сравнительно небольшим количеством операций. Технология раскroя рога и

особенности его использования в древних производствах подробно проанализированы и описаны А.П. Бородовским [1997, с. 80–104, табл. 40–55]. В нашем случае после отделения отростка от ствола заготовка была подвергнута термическому воздействию (горячей водой) и разделена на две половины. В таком состоянии материал рогового сырья легко поддается обработке, хорошо режется и строгается, а компактное вещество сердцевины легко и быстро удаляется. Далее, очевидно, были произведены разогрев и увлажнение, в ходе которых срезаны бугорки и желобки поверхности рога и завершена черновая формовка изделий. Не исключено, учитывая почти зеркальное сходство параметров конечных изделий, поверхностная обработка, могла производиться еще до распила. Окончательно лицевая поверхность была доведена до нужного состояния приемами шабрения и шлифовки. В заключение в очередной раз размягченный рог был плотно зафиксирован (возможно с помощью ременной или веревочной обмотки) на гладкой ровной поверхности и высушен в таком состоянии. В результате получилась идеально плоская деталь лука, к которой, правда, в ходе дальнейшей археологизации вернулась исходная кривизна. Штиховка на лицевой стороне накладок осуществлялась уже после крепления их на «место».

Особый интерес представляет пара других концептуальных накладок, которые в отличие от рассмотренных являются собой составную конструкцию (рис. 2, 4). Они также вырезаны из бокового отростка рога марала. И насколько можно судить, от того же самого стебля. Однако размеры полученной «болванки» заметно уступали габаритам первой пары. И мастер как бы надставил имеющийся материал дополнительными «врезками», позволившим в конечном итоге получить длину, соответствующую предыдущим звеньям. Для этого уже вчера обработанные заготовки были разделены на две части, каждая из которых получила ровный длинный косой срез к точкам своего расчленения. Далее между этими разнесенными на нужное расстояние фрагментами были помещены соответствующим образом обработанные и подготовленные роговые вставки, для скрепления которых с основой могла использоваться клейковина, выделяемая рогом и костью в процессе термической обработки. Окончательная обработка рогового пакета, включая штиховку для защитно-декоративной оклейки кибити (см. рис. 1, 3, 4), с высокой степенью должна была осуществляться на финальных стадиях сборки лука. Такая «пакетная» технология заставляет обратить внимание на пару срединных накладок из вышеупомянутого погребения из объекта 2, которые также склеивались между собой, о чем говорят специальные косые срезы на их узких концах (с внешней и внутренней сторон (см. рис. 2, 2). В результате такой операции получалась почти стандартная фронтальная накладка весловидного типа (см. рис. 2, 3). Вместе

с этим совокупность фактов, связанных с «пакетными», назовем их так, накладками, позволяет прийти к нескольким выводам и прежде всего о том, что мастера из Курайской котловины не были избалованы изобилием необходимого сырья. Пакетные парные накладки из объекта 19 (см. рис. 2, 4), равно как и цельные для того же лука, были изготовлены из одного, явно сброшенного рога матерого марала. Об этом говорят, с одной стороны, размеры цельной пары, с другой – то обстоятельство, что второго равно размерного ответвления на стебле не нашлось и мастеру пришлось искать выход из ситуации путем наращивания длины второй пары. Будь у него в наличии парное сырье, добывное на охоте, такой проблемы просто бы не возникло. В пользу определенного дефицита сырья свидетельствуют и склеенная двухчастная фронтальная накладка из упомянутого выше курайского погребения из объекта 2. Вместе с этим напрашивается вывод, что функция роговых частей лука не совсем такая, как им обычно приписывается. Речь может идти в данном случае лишь о преимущественном укреплении слабых зон в местах сочленения плечей кибити с рукоятью и врезными концами оружия. Иными словами, они играли роль аналогичную медицинским шинам, фиксировавшим перелом, в данном случае место его потенциального расположения на оружии. Мы не будем углубляться в проблемы работы лука как механизма, роли формы и устройства его концов в появлении эффекта «сокращения тетивы» при выстреле, заметно увеличивающего дальность полета стрелы. Обратим лишь внимание еще на один момент, связанный опять-таки с определенным дефицитом древесного сырья, пригодного для изготовления лука. Так, в районах, где оно произрастало в достаточном количестве и было соответствующего качества, экземпляры с роговыми «усиливающими» деталями так и не получили распространения. Примером могут служить всем известные простые английские тисовые луки, бамбуковое асимметричное оружие японских стрелков и т.д. В лесной полосе Западной и Восточной Сибири, изобильной хорошим лесом, хотя и существовали сложносоставные луки, они не имели роговых или костяных деталей. Но при этом они были столь высокого качества, что селькупские образцы, например, поступали в казну в качестве ясака [Гемуев, Соловьев, 1984].

Любопытные данные об устройстве метательного оружия хуннского времени дают находки из Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая, близ г. Ния, в южной части пустыни Такла-Макан. Они представляют собой деревянные, хотя местами и сильно деформированные изделия с роговыми деталями и без оных (см. рис. 2, 5–7). Некоторые образцы являются переходные формы, сочетающие в себе элементы скифского оружия (кругло выгнутые вперед, в сторону выстрела концы кибити) и тонкую, широкую брусковидную рукоять с роговыми накладками

и прямым или слабо изогнутым концом с боковыми роговыми накладками, характерными для оружия хуннского времени или без оных (см. рис. 2, 5). Любопытно отметить, что в экспозиции провинциального музея г. Урумчи экспонированы образцы лука, у которого, насколько можно судить, роговые накладки примерно на половине своей длины вообще смыкались (склеивались) друг с другом. Широкие плоские плечи кибити в центральной части, переходя в рукоять, резко сужались с боков, расширяясь при этом под хват ладони (в перпендикулярной проекции), что сильно уменьшало площадь склейки и делало ее уязвимой к излому при натяжении тетивы, от чего и страховали расположенные здесь накладки, заключая рукоять в своего рода бандаж. Такая составная конструкция позволяла обойтись сравнительно небольшими отрезками древесины для плеча лука, увеличив при этом общие размеры изделия. А отказ от «пучкового» (составленного из пачки заготовок) устройства кибити лука скифского типа с его круто выгнутыми на специальном гибale концами, действие которых в определенной степени напоминала работу блочного лука наших дней, позволило резко упростить технологию производства оружия и в то же время усилить его метательные возможности, увеличив рычаг и заставив эффективнее работать плечи кибити. Усовершенствование систем склейки вело к довольно быстрому отказу от излишних накладок, а растущие потребности в луках при дефиците качественной древесины и изобилии органических продуктов животного происхождения (как следствие развития скотоводческого хозяйства) привели к тому, что дерево все больше стало играть роль несущего каркаса для все более толстых пучков сухожилий и гибких пластин из рога полорогих животных. Отметим, что параллельно с комбинированными образцами оружия, судя по синьцзянским материалам, существовали и бюджетные образцы без роговых накладок, что дает нам право предполагать: количество луков, некогда уложенных с погребенными в могильнике Курайка, могло быть больше. Просто с течением времени древесина не сохранилась.

Заключение

На основании известных нам накладок сложносоставных луков из булан-кобинских захоронений мы получаем следующую картину. Все три экземпляра из могильника Курайка относятся к разным группам (отделам) в классификационных схемах ученых. Так, лук из объекта 99 имеет наиболее «архаичную и упрощенную конструкцию» и, как считают барнаульские исследователи, находит обширные параллели в центральноазиатских памятниках начиная со II в. до н.э. [Серегин и др., 2022, с. 49–51]. Самые близкие аналоги по конструкции и размерности накладок имеются в кург. 31 могильника Усть-Эдиган и кург. 33

комплекса Карбан I [Худяков, 1997, с. 51; Серегин и др., 2022, табл. 5].

Лук из объекта 2 отличается от известных аналогов наличием двух лопаткообразных заостренных срединных накладок вместо одной. Впрочем, учитывая их склейку между собой, соединяющую детали в единый композитный элемент, последний вкупе с боковыми накладками можно типологически (и функционально) отнести к стандартному набору из 7 роговых деталей. Лук из объекта 19 не имеет на данный момент аналогий среди известных нам хуннских сложносоставных луков.

Ритуал поломки и помещения в погребение испорченного оружия фиксируется в большей части булан-кобинских захоронений. Правда, исследователи не уделяют этому факту должного внимания, хотя он и является важным для фиксации сдвигов в мировоззрении населения хуннского времени в Горном Алтае. Смысл феномена находит объяснение с позиций логики, связанной с архетипическими и повсеместно распространенными в Сибири (у тюрков, угров, самодийцев, кетов) представлениями о мироустройстве, в частности, о зеркальности потустороннего мира и мира людей. Еще в 1894 г Н.Ф. Катанов, касаясь феномена намеренной порчи предметов, отмечал, что этим они приводятся в соответствие с нормами тех пространств, куда отправляются их владельцы [Катанов, 1894], т.е. сломанное здесь – целое там.

В европейской (в частности, венгерской) исследовательской традиции преднамеренно сломанные луки в могилах гуннской, а впоследствии аварской знати представляют собой довольно хорошо изученную тему [Bóna, 1970, р. 251; Róheim, 1984; Bíró, 2014; Лежак, Галл, 2019]. Косвенным образом данный аспект обряда имеет отражение и в письменной традиции, где это оружие выступает символом власти. Так, в «Записках» Приска Панийского приводится рассказ, в котором о смерти Аттилы византийский правитель узнает, увидев во сне его сломанный лук [Казанский, 2021, с. 113]. Смысл порчи таких изделий венгерский исследователь Гез Рохайм, полагающий, что лук «независимо от культур, отождествляли с душой мужчины» [Róheim, 1984, р. 225], рассматривает в двух аспектах: «мотив ненависти, оружие покойника ломают потому, чтобы оно не обернулось против живых». А второй усматривается в том, что, «когда любовь к усопшему обостряется, нужно сломать, собственно говоря, умертвить предметы покойника, чтобы они сопровождали его в потусторонний мир» [Ibid., р. 268–269]. Оба эти тезиса не новы для советской и российской литературы. Если первый, на наш взгляд, вернее будет связывать с общераспространенной боязнью покойных, то второй – с представлениями об «обратности» миров. И хотя в архаичных и традиционных верованиях представления о луке выходили за рамки восприятия его как могучего ору-

жия, в контексте захоронений рядовых кочевников (булан-кобинцев) вряд ли может идти речь о нем как о символике «власти, совершенства, могущества и силы». Также довольно натянутым является тезис о «воинских» луках булан-кобинцев. В контексте исследованных курайских захоронений более корректно будет говорить об охотничьем оружии.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Список литературы

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 229–233.

Богданов Е.С., Новикова О.И. Сопроводительный инвентарь как маркер половозрастной и социальной стратификации населения Курайской котловины (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. – Т. XXX. – С. 403–409.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 39–55.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Лежак Г.М., Галл Е. О семантике поврежденных луков в погребениях VI–XI вв. в карпатском бассейне // Кочевой мир степей Евразии. Научный альманах в честь археолога, историка, культуролога Ю.А. Прокопенко в связи с его пятидесятилетием / под ред. С.Н. Малахова и Т.А. Невской. – Армавир; Ставрополь: Печатный Двор, 2019. – Вып. 11. – С. 193–202.

Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. – Керчь; Симферополь, 2021. – Вып. XLII. – С. 108–131.

Катанов Н.Ф. О погребальных обычаях тюрksких племен с древнейших времен до наших дней // Изв. Общ. археол., истории и этногр. при Казанском ун-те. – Казань, 1894. – Т. XII, вып. 2. – С. 109–142.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Сложносоставные луки населения Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобурак I) // Тео-

рия и практика археологических исследований. – Барнаул, 2021. – Т. 33, № 4. – С. 114–131.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. – 432 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбак I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. – 276 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 5).

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 1994. – № 3. – С. 113–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – 368 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 3).

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 1997. – № 2. – С. 28–37.

Bíró Á. Megjegyzések egy honfoglalás kori magyar ij tudományos rekonstrukciója kapcsán // Magyar Őstörténet. Tudomány és hagyományőrzés. Szerk / eds. B. Sudár et al. – Budapest, 2014. – P. 387–412.

Bóna I. Avar lovassír Iváncsáról (Grave of an avar horseman at Ivánca) // Archaeologiai Értesítő. – 1970. – No. 97. – P. 243–263.

Róheim G. A törött tükör // A bűvös tükör. Válogatás Róheim Géza tanulmányaiból. Válogatta, sajtó alá rendezte, az utószót és a jegyzeteket készítette Verebényi K. – Budapest, 1984. – P. 262–269.

References

Bíró Á. Megjegyzések egy honfoglalás kori magyar ij tudományos rekonstrukciója kapcsán. In *Magyar Őstörténet. Tudomány és hagyományőrzés. Szerk / eds. B. Sudár et al. Budapest, 2014. P. 387–412. (In Hung.).*

Bogdanov E.S., Novikova O.I. K voprosu o kul'turnoi prinadlezhnosti mogil'nika Kuraika. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. XXIV. P. 229–233. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Novikova O.I. Soprovoditel'nyi inventar' kak marker polovozrastnoi i sotsial'noi stratifikatsii naseleniya Kuraiskoi kotloviny (po materialam raskopok mogil'nika Kuraika, Gornyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2024. Vol. XXX. P. 403–409. (In Russ.).

Bóna I. Avar lovassír Iváncsáról (Grave of an avar horseman at Ivánca) // Archaeologiai Értesítő. 1970. No. 97. P. 243–263. (In Hung.).

- Borodovskii A.P.** Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoi Sibiri (vторaya polovina II tys. do n.e. – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 224 p. (In Russ.).
- Gemuev I.N., Solovyev A.I.** Strely sel'kupov. In *Etnografiya narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1984. P. 39–55. (In Russ.).
- Gorbunov V.V.** Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2006. 232 p. (In Russ.).
- Katanov N.F.** O pogrebal'nykh obychayakh tyurkskikh plemen s drevneishikh vremen do nashikh dnei. In *Izv. O-va arkheol., istorii i etnogr. Pri Kazanskom un-te. Kazan'*, 1894. T. XII, Iss. 2. P. 109–142. (In Russ.).
- Kazanskii M.M.** Gunny na Bospore Kimmeriiskom. In *Bosporskie issledovaniya*. Iss. XLII. Kerch'; Simferopol', 2021. P. 108–131. (In Russ.).
- Khudyakov Y.S.** Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya khunnskogo vremeni (po materialam raskopok mogil'nika Ust'-Edigan). In *Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1997. No. 2. P. 28–37. (In Russ.).
- Lezhak G.M., Gall E.** O semantike povrezhdennykh lukov v pogrebeniyakh VI–XI vv. v karpatskom basseine. In *Kochevoi mir stepei Evrazii. Nauchnyi al'manakh v chest' arkheologa, istorika, kul'turologa Y.A. Prokopenko v svyazi s ego pyatidesyatletiem* / eds. S.N. Malakhova, T.A. Nevskoi. Armavir; Stavropol': Pechatnyi Dvor, 2019. Iss. 11. P. 193–202. (In Russ.).
- Róheim G.** A törött tükör. In *A bűvös tükör. Válogatás Róheim Géza tanulmányaiiból. Válogatta, sajtó alá rendezte, az utószót és a jegyzeteket készítette Verebélyi K.* Budapest, 1984. P. 262–269. (In Hung.).
- Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umanskiy A.P.** Severnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban I). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 276 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya. Vol. 5). (In Russ.).
- Seregin N.N., Matrenin S.S., Tishkin A.A., Parshikova T.S.** Altai v predtyurkskoe vremya (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Choburak I). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2023. 432 p. (In Russ.).
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S.** Slozhno-sostavnye luki naseleniya Altaya zhuzhanskogo vremeni (po materialam nekropolya Choburak-I). In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*. Barnaul, 2021. Vol. 33, No. 4. P. 114–131. (In Russ.).
- Soenov V.I., Ebel A.V.** Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1994. No. 3. P. 113–135. (In Russ.).
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V.** Altai v syan'biisko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka). Barnaul: Alt. State Univ. Press, 2018. 368 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya. Iss. 3). (In Russ.).

Богданов Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-7073-8914>
Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Дата сдачи рукописи: 25.10.2025 г.